

УДК 130.2:316.482.051.63(470)

СПОР СЛАВЯНОФИЛОВ И ЗАПАДНИКОВ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ И ЕГО РЕЦЕПЦИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Е.С. Косарская, Е.О. Ковалева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

В контексте полемики славянофилов и западников показано, почему в русской философии первой половины XIX в. проблема преемственности социокультурных традиций выходит на передний план философских дискуссий. Выявлена взаимосвязь двух вопросов, повлиявших на накал спора между классическим славянофильством (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков), его поздним вариантом (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев), В.С. Соловьевым, а также религиозным западничеством (П.Я. Чаадаев, В.С. Печерин), западниками-либералами (Б.Н. Чичерин, Т.Н. Грановский), западниками-социалистами (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский), позитивистами (К.Д. Кавелин, В.О. Ключевский). Первый вопрос: какова степень влияния западной культуры на русскую жизнь? Второй вопрос: как возможно сохранять и одновременно обновлять традиции?

***Ключевые слова:** культура, философия, социокультурные традиции, преемственность традиций, конфликт поколений.*

Для русской философской мысли первой половины XIX в. вопросы преемственности социокультурных традиций и конфликта поколений оказались встроенными в проблему, связанную с поиском национальной идентичности и пути исторического развития. Ключевые для российских философов аргументы, с помощью которых они обосновывали преемственность и разрыв социокультурных традиций, были созвучны типичному для всей Европы этого времени ответу на политический и духовный кризис, вызванный Великой французской буржуазной революцией. Для русских мыслителей символом такой «французской революции» стали реформы Петра I. Поэтому вопрос о преемственности или разрыве традиций в классическом славянофильстве (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков), в его позднем варианте (Н.Я. Данилевский), а также в религиозном западничестве (П.Я. Чаадаев, В.С. Печерин) западниками-либералами (Б.Н. Чичерин, Т.Н. Грановский), а позднее западниками-социалистами (А.И. Герцен, В.Г. Белинский, Н.Г. Чернышевский) решался в плоскости оценки реформаторской деятельности Петра I.

Процесс вызревания национального самосознания, активировавшийся после Отечественной войны 1812 г., заставил образованных людей России задуматься над целым рядом вопросов: какова была дистанция отставания России от западного мира к моменту реформ Петра I и в чем содержательно это выражалось? В какой мере реформы Петра I способствовали преемственности русской национальной традиции, а в какой разрушали? Каким должно быть дальнейшее развитие русской жизни? Как сохранить преемственность социокультурной традиции и предотвратить напряженность и конфликтность между поколениями?

Поиск ответов на эти вопросы разделил отечественных мыслителей на два противостоящих друг другу лагеря: славянофилов, отстаивающих точку зрения о существовании для России самобытного пути исторического и социального развития, и западников, признававших единственно возможным западноевропейский путь как универсальный и образцовый.

Классическое славянофильство и его поздние варианты

Отвечая на вопрос о глубине культурной дистанции, славянофилы признают, что Россия отстает от Запада в развитии знаний, науки, искусства, в экономике и военном деле. Так, Хомяков констатирует, что Россия отстала от Запада в развитии вещественного знания, в усовершенствованиях науки и искусства. Киреевский приходит к выводу, что раздробленность на уделы, не связанные духовно, на несколько веков сделала страну неспособной к просвещению. Спустя полстолетия Данилевский подтвердит позицию предшественников, соглашаясь, что историческая ситуация вынуждала Петра прибегнуть к «тяжелой операции», к болезненным для общества реформам, так как ни преданность отечеству, ни патриотизм не могли заменить тех технических усовершенствований, которые «сделали из кораблестроения, мореплавания, артиллерии, фортификации... настоящие науки», а потребности государственной обороны оказались столь сложными, что появился запрос на образованных отечественных специалистов, «всецело преданных военным целям» [6, с. 316]. Мыслитель соглашается, что у Петра не было времени следовать медленному естественному процессу просвещения, основанному «на самородных началах». Таким образом, славянофилы, несмотря на закрепившееся за ними представление об их отрицательном отношении к «перевороту Петра», признавали, что реформы начала XVIII в. были вызваны культурно-исторической необходимостью, что процесс заимствования ряда прогрессивных западных культурных образцов с точки зрения преемственности накопленного культурой опыта Запада был полезен для дальнейшего развития России.

В какой мере реформы Петра I способствовали преемственности русской национальной традиции, а в какой ее разрушали? Ответ на этот вопрос выглядит более нюансированным и неоднозначным. Хрестоматийно отражена, и вполне справедливо, в любом вузовском учебнике критическая оценка славянофилов насильственных методов преобразовательной деятельности Петра I. Вслед за Хомяковым славянофилы определяют реформы как «переворот», суть которого состоит в отрыве русского человека от почвы, от родных корней, отказе от национальной традиционной основы. Совершая «переворот» русской жизни, Петр I ошибался в средствах, которые носили характер преимущественно насильственный, односторонний, отвлеченный от национальных реалий.

За такой критической оценкой обычно скрывается другой немаловажный факт – признание целесообразности реформ Петра I. Обычно этот факт остается в тени риторики о воззрениях славянофилов. Между тем уже ранние славянофилы понимали, что прошлое не было ликвидировано полностью, что корневые для русской культуры традиции сохранились, в частности традиции семьи, организации школы, традиции хозяйствования и администрирования. Социальные и культурные образцы такого прошлого не только не были разрушены реформами Петра I, но и отчасти символизировали преемственность со-

циального порядка. Хомяков, отмечая, что средства, которыми пользовался Петр I, были «грубые и вещественные», все же признает и положительную роль реформ: «Много ошибок помрачают славу преобразователя России, но ему остается честь пробуждения ее к силе и к сознанию силы» [10, с. 54]. Духовная жизнь русского народа была столь богата и многогранна, что никакие насильственные реформы не смогли поколебать ее основы, а круг лиц, испытавших на себе западное влияние, был ограничен элитой, широкие же массы остались глухими к насильственно привнесённым плодам инородного просвещения.

Отдельно необходимо отметить, что, говоря о преемственности и разрыве социокультурной традиции в результате реформ Петра I, славянофилы базируются на двойственном понимании прошлого. С одной стороны, прошлое понимается ими как череда и последовательность произошедших событий, действий, оставляющих после себя материальные и социальные образцы культуры. И здесь славянофилы вынуждены согласиться с исторической обусловленностью реформ. С другой стороны, есть гораздо более пластичное прошлое, то прошлое, которое запечатлено в памяти поколений и по-разному ими воспринимается. Отсюда проистекает и главная претензия славянофилов к реформам Петра I. В их толковании реформы породили людей, которые стали забывать национальные традиции в своем увлечении западными культурными образцами жизни.

К.С. Аксаков наиболее остро воспринимал прошлое как память, запечатленную в поколениях. Он считал, что реформы Петра I отрицательно сказались именно на такого рода исторической памяти народа, что в итоге и спровоцировало раскол общества на две неравные части – «публику» и «народ». Каждая группа стала жить своей жизнью, создавать и потреблять свою культуру. «Публика» (дворяне) стала отказываться от национальной традиции, пошла по пути копирования всех аспектов европейской жизни. В своем желании сделать Россию частью западноевропейской цивилизации она впала в «европейничество», стала относиться с презрением, а порой и ненавистью ко всему народному, традиционному, стала смотреть на русскую реальность «сквозь европейские очки» [6, с. 345]. По-ученически увлекшись подражанием, представители дворянства не развивали способность к самостоятельному критическому осмыслению знаний. Мыслитель улавливает парадокс «ученичества», захлестнувшего высшее сословие в период реформ. Образование, по сути, сыграло злую шутку с дворянами, переставшими ценить свои национальные корни [1, с. 153].

В силу этого не «публика», а именно «народ», не затронутый волной поверхностного ученичества, видится Аксакову носителем традиционных ценностей. Народ потенциально способен выполнять охранительную функцию и строить свою жизнь в духе православной традиции, транслируя ее от поколения к поколению. В этом отношении он метафорично сравнивает народный организм с деревом, на котором «шумят листья и меняются каждый год», в то время как «корни у него всегда одни и те же» [3, с. 208–209]. Этими корнями, по мнению автора, и является простой народ, выступающий основанием «общественного здания страны». В замыслах философа будущее России должно представлять собой «гармонию личностей», полностью отказавшихся от эгоистичных «обособлений», основанную на любовном божественном союзе.

Далее Аксаков делает важный вывод: в реальности, народ не просвещен и не образован, поэтому так же, как и оторвавшаяся от своих корней дворянская элита, не способен обогащать традицию. В интенции мыслителя все российское общество «нездорово», оно развивается неправильно, противостоит, «вне первичной простонародной формации» [2, с. 228].

Делая такой достаточно грустный вывод, Аксаков полон надежд на будущее. Тонко чувствуя общественные настроения, он делится своими наблюдениями о том, что относительно Запада современная ему Россия перестает играть «роль рабского переписчика прописей», что время слепого подражания проходит, что Россия может сказать человечеству «свое слово». Мыслитель видел такой путь самым достойным и единственным, так как его открыл сам Спаситель. Он называет это движение как «путь внутренней правды», основанной на нравственном устройстве жизни в духе христианства и общинности, на началах добровольности, свободы, мира и совести. Именно на него и должен ориентироваться русский народ в своем развитии. Для этого надо перестать двигаться по пути «внешней правды», свойственной западному миру, с его регламентированным устройством жизни, враждой и принудительными законами. Аксаков убежден, что «общее дело России должно быть частным делом каждого русского». Отсюда и главные задачи русского народа – нравственный подвиг духовного обновления, возвращение «к образу действий, согласному с существом России», восстановление разрушенного Петром I союза «земли» и «государства».

Как и его славянофильствующие современники, Аксаков критически оценивает преобразования Петра I, прямо именуя их «революцией». Однако, несмотря на негативную оценку петровских преобразований, он демонстрирует нам вдумчивый анализ последствий реформ. Мыслитель не призывает полностью отказать от всего западного, как это делали некоторые горячие головы славянофильского движения. Более того, он допускает возможность заимствования отдельных культурных форм, выработанных западноевропейскими странами.

Рефлексирующий в русле позднего славянофильства, Н.Я. Данилевский пошел дальше в оценке степени культурного заимствования и выдвинул суждение о том, что национальные традиции настолько глубоки, что не пострадали от неумелого «европейничанья» и России удалось сохранить свою самобытность. Мыслитель отмечает, что Петр I, осуществляя реформы с целью сделать Россию частью западноевропейской цивилизации, исходил из заведомо ложного посыла о культурном лидерстве Европы, что и привело к стремлению полностью копировать все аспекты европейской жизни. Позитивно оценивая военные, промышленные и административные реформы Петра I, Данилевский справедливо критикует бездумные изменения в быте, нравах и обычаях, нанесшие «величайший вред будущности России». Он высказывает обеспокоенность, что страшны не сами нововведения, а сложившееся в общественном сознании представление о том, как высоко культурны «иностранные формы жизни» и как «низки и простонародны» национальные традиции [6, с. 319]. Поразившая русское общество практика бездумного «европейничанья» и привела к такой деформации общественного сознания.

В свете новых жизненных реалий славянофильские идеи полемически рассматривает В.С. Соловьев. Вторую часть своей работы «Национальный во-

прос в России» он начинает с главы «Несколько слов в защиту Петра Великого» (1883), резонно отмечая, что петровские реформы по своей смысловой направленности возобновляли христианские традиции Киевской Руси, прерванные «монгольским нашествием и всепоглощающей работой государственного объединения» [9, с. 161]. Благодаря реформам Петра I, Россия окончательно преодолела языческие стереотипы и показала готовность стать составной частью единого человечества. Соловьев положительно оценивает меры всех последующих правителей России, осуществлявшиеся, на его взгляд, в русле реформ Петра I.

Философствуя в пространстве христианского вероучения, Соловьев считает, что исторический процесс по существу есть богочеловеческий процесс. Это особенно подчеркивает В.В. Зеньковский, неоднократно цитировавший мысль Соловьева: «Космический процесс оканчивается рождением натурального человека, а за ним следует исторический процесс, подготавливающий рождение человека духовного» [7, с. 501]. Соловьев считал, что принятие христианства во времена Киевской Руси не ограничилось словесным исповеданием известных догматов, оно изначально несло преобразующий потенциал в жизнь русского народа в соответствии со смыслом «истинной религии». Однако этот процесс был прерван целым рядом исторических причин – разобщением с Европой, монгольским нашествием и, главное, односторонним использованием культурного потенциала византизма только для укрепления государственности. Последнему обстоятельству Соловьев уделяет особое внимание. Он считает, что в Московском государстве XV–XVI вв. церковно-государственная миссия сводилась исключительно к задаче укрепления государства через подчинение «единой воле Помазанника Божия». Такая формальная религиозность утратила главную суть христианского вероучения – заботу о духовном совершенствовании народа. «Понятие об идеальном совершенстве отдельного лица сохранялось в народном сознании; но главное условие для действительного совершенствования, для общего нравственного прогресса – именно *деятельная* религия, идеал *общественной правды* – отсутствовало вполне» [курсив Соловьева. – Авт.] [9, с. 165]. Посвятив себя историческому делу созидания и укрепления государственного единства, церковь тем самым забыла свой главный посыл – вести народ к высшим началам христианского универсализма.

Соловьеву видится важным обратиться к традициям подлинной христианской веры. «Все более и более глубокое проникновение началами общечеловеческой христианской культуры, сопровождаемое постоянным критическим отношением к своей общественной действительности, – вот единственный путь, чтобы развить все положительные силы русской нации, проявить истинную самобытность, принять самостоятельное и деятельное участие во всемирном ходе истории», – пишет философ [9, с. 165–167]. Предложенный Соловьевым «рецепт» сохранения подлинных христианских традиций будет впоследствии творчески развит в концепции «нового религиозного сознания» Н.А. Бердяева.

Западники и их продолжатели

Западники и их продолжатели – в мистическом западничестве (П.Я. Чаадаев, В.С. Печерин), западники-либералы (Т.Н. Грановский, Б.Н. Чичерин,) и западники-социалисты (А.И. Герцен, В.Г. Белинский,

Н.Г. Чернышевский), анализируя преобразовательную деятельность Петра, наряду с термином «реформы» используют понятие «переворот». Однако данное понятие получает в их изложении противоположную славянофилам коннотацию: если у славянофилов реформы рассматривались как опасные изменения, носящие насильственный, антинародный характер, то у западников реформы Петра I приобретали преимущественно позитивный окрас как разрушение отжившего старого, тормозящего общественный прогресс.

П.Я. Чаадаев обосновывает неизбежность преобразований, осуществленных Петром. Он отмечает, что страна исторически была «отлучена от всемирной жизни человечества» в результате «унизительного владычества завоевателей» и ошибочного выбора в пользу византийского православия, вследствие чего сформировалась социальная среда, характеризующаяся «диким варварством», «грубым суеверием», «равнодушием ко всему». Россия отстает, так как живет, будто «общий закон человечества отменен» по отношению к ней, не учитывая исторический опыт других народов. По мысли Чаадаева, русские – европейская нация, по воле случая оказавшаяся оторванной от объединяющей народы Запада традиции, лишенная всех достоинств народов зрелых, наслаждающихся высшим просвещением [12, с. 10]. Осознавая, что оторванность от единой Европы мешает русским воспользоваться западными прогрессивными знаниями и идеями, Петр I задался целью «европеизации». По мысли Чаадаева, он «начал для нас новую эру», для этого пришлось отречься от «старой России», вырыть пропасть между прошлым и настоящим и грудой выбросить туда наши предания. В результате началась успешная реализация программы Петра, которая привела к «славным успехам на поприще прогресса». Чаадаев задается вопросом: почему царю удалось сломить сопротивление народа, заставить добровольно отказаться от национальной традиции, увлечь западной модой? Мыслитель предполагает, что тому виной незрелость, несформированность отечественной социокультурной традиции, в том числе православной. Так, он пишет, что если бы на момент реформ у России была бы «богатая и плодотворная история, живые традиции и глубоко укоренившиеся учреждения», то Петр использовал бы их. Однако реформатор «нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова *Европа* и *Запад*; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу» [11, с. 526–527].

Созвучные идеи высказывает В.Г. Белинский, полагая, что на момент реформ юный русский народ еще не создал развитую культуру, не сформировалась его индивидуальность («собственное лицо»). Лицо нации составляют традиции, «укрепившиеся давностью», освещенные временем и преемственностью поколений. Мыслитель интересно подмечает, что «у молодых народов обычаи резче, цветнее, значительнее для народа», но они еще не укоренились, для этого необходимо время и образование [4, с. 18]. У России не было времени, сложившаяся историческая ситуация лишила ее возможности изменяться эволюционно. Потребовалась революция (реформы Петра), предполагающая добровольное принятие европейских традиций и отказ от незрелых отечественных, тормозивших развитие. Желая пересадить чужеродные плоды на русскую почву, Петр не учел, что она не подготовлена, «слишком еще жестка для иноземных растений». Заимствовав западные социокультурные традиции, русский человек не стал европейцем, а лишь пародией на него. Для России оказалось вредным тотальное механическое заимствование, переродившееся в

идолопоклонство перед всем западным. В результате размышлений Белинский приходит к выводу, что заимствование чужих форм, способствующих собственному развитию, характерно для всех народов, но «необходимо налагать печать собственного гения на эти займы» [4, с. 19].

Несмотря на разность в оценках деятельности Петра I, славянофилы и западники признавали значимость его преобразований в истории России. Но были среди последователей, отечественных мыслителей второй половины XIX в. такие, кто считал, что и те, и другие преувеличивали значение его реформ.

Таким образом, споры о Петре I не были решены мыслителями первой половины XIX в. окончательно. Поэтому данный вопрос неоднократно поднимался и в последующем. Герцен соглашается с мнением о том, что потребность перемен возникла в России задолго до Петра, однако отмечает, что не было «ни центра движения, ни ускоряющего толчка», который впоследствии предпринял реформатор, чтобы сдвинуть с места неподвижную, отсталую Россию. Не может жизнь народа базироваться исключительно на традициях прошлого, чтобы развиваться, необходимо подпитываться инновационными заимствованиями, оживляющими культуру-реципиент. С целью ускорения социокультурного прогресса Петр заменил устаревшие социальные институты «европейским канцелярским порядком», однако они «развились у нас в какой-то чудовищный безысходный деспотизм», заимствование форм не способствовало пересадке на русскую почву принятых в Европе норм и правил, регулирующих социальные отношения. По мысли Герцена, виной тому неподготовленная русская почва и беспорядочность выполнения приказов. Полемизируя со славянофилами, обвинявшими Петра в использовании радикальных и губительных для русской культуры методов реформирования, Герцен объясняет, что просветить Россию за двадцать лет было невозможно, следовательно, не было иного способа, кроме как насильственно «вливать в нее элементы» прогрессивной европейской традиции, способной обогатить отечественную. В духе Аксакова Герцен считает, что русское дворянство, увлекшись подражанием западу, совершило ошибку, забыло «все хорошее, полное надежд и развития, что представляет народная жизнь». Русский народ, даже находясь под «безнадежным гнетом», сохранил «величавые черты, живой ум и богатую натуру» [5, с. 12]. Именно он является носителем, хранителем и транслятором отечественной традиции.

Н.Г. Чернышевский, как центральная фигура западников-социалистов, не сомневается в необходимости преобразований, проведенных Петром I. Мыслитель оправдывает радикальные методы, избранные царем, утверждая, что только они могли позволить в короткий срок разорвать связь с устаревшей традицией. Чернышевский уверен, что объективной оценке результатов деятельности Петра I способствует правильное понимание цели, которую он поставил перед собой. Петру I необходимо было создать сильное регулярное войско. Развитие промышленности, заимствование у европейцев прогрессивных знаний и технологий – все это были лишь попутные задачи, ведущие к достижению поставленной цели. Общественная жизнь и основополагающие для нее традиции были сохранены, потому что у Петра I не было цели их менять. По мысли Чернышевского, культурные и социальные преобразования осуществлялись реформатором в ответ на активное сопротивление оппозиции, иными словами, разгневанной консерваторами Петр осуществлял «ломку старины» по причине ее враждебности, а не из-за политической необходимости.

Перенесенные случайно и хаотично западные традиции и учреждения не изменили российскую реальность, «поменялись имена, а не характер вещей», «дух вещей остался прежним», так как не было цели его изменить [13, с. 299–302]. В результате петровских реформ военный и технологический прогресс не сопровождался пробуждением сознания, внедрением прогрессивных социальных практик, принятием западных нравственных ценностей и норм. Следовательно, успешное заимствование европейских традиций требует особых усилий, так как придется не просто воспитывать необразованный народ, а перевоспитывать, что значительно сложнее. Заметим, что у позднего Чернышевского подобное «перевоспитание» обернется призывом к свержению старого порядка путем безжалостной крестьянской революции.

В основном конструктивно-критический анализ «послепетровской» и «предреформенной» России помог русским мыслителям вести поиск оснований социокультурных традиций в национальном ключе (славянофилы) и на базе признания либеральных ценностей (западники). На привнесенные петровскими реформами разрыв традиций они давали схожие ответы в духе европейского Просвещения – учиться критически мыслить, накапливать знания, воспитывать молодое поколение, умеющее ценить свои национально-исторические корни и прагматично заимствовать необходимые для общественного прогресса новации, трансформируя их согласно российским реалиям.

Ответ на второй вопрос, как возможно сохранять и одновременно обновлять традиции, выглядит следующим образом. И ранние, и поздние славянофилы исходят из того, что Россия должна идти по собственному, самобытному пути исторического развития. Формы социальности русского народа (община, артель) неповторимы. Мыслители солидаризируются в представлении о спасительной роли православия, задающего исторически сориентированное направление нравственному, гражданскому и политическому развитию русской нации. Славянофилы убеждены в необходимости сохранения преемственности социокультурной традиции. Они однозначно утверждают, что реформирование общественной жизни в России должно базироваться на прочно укоренившейся национальной традиции. Народные традиции проникают в глубины русской социальной и культурной жизни, отказ от них чреват для нации потерей лица. Россия нуждается в реформировании, базирующемся на отечественной традиции и критическом осмыслении западных культурных форм.

Славянофилы предлагают различные пути сохранения преемственности социокультурной традиции и предотвращения конфликтов между поколениями: во-первых, наладить взаимодействие институтов социализации, прежде всего семьи и школы, воспитание молодежи, осуществляемое ими, должно базироваться на православных ценностях и контролироваться государством (Хомяков); во-вторых, обновить общественное сознание, сформировать «цельное мышление» на базе православной религиозной традиции, живущей в народе (Киреевский); в-третьих, активизировать деятельность патриотически настроенной элиты, представители которой, осознавая угрозу полной потери национальной идентичности, способны пробудить «русское в русских», возродить самобытное начало в культуре (Аксаков); в-четвертых, объединить русский народ общей идеей, целью, в том числе перед лицом опасности порабощения (Данилевский). Мыслители сходятся во мнении, что создание самобытной культуры, объединяющей народ, возможно путем рационального заимст

ния необходимых для русской культуры передовых новаций при условии сочетания их с традиционными формами национальной духовной жизни. Однонаправленное воздействие на общество всех институтов социализации позволит обеспечить поступательное инновационное развитие и в то же время наладить преемственность традиционных ценностей.

В отличие от славянофилов, западники убеждены в том, что Россия – часть европейской цивилизации. Следовательно, ее развитие должно осуществляться по пути западноевропейских стран. Западники солидарны в том, что реформы по европейскому образцу не прерывают русскую историческую традицию, не нарушают преемственность поколений, а обогащают отечественную культуру плодами европейского просвещения. Методы преемственности традиции и предотвращения конфликтности между поколениями, возникшими в периоды модернизации, западники видят по-разному. Так, Чаадаев, а вслед за ним и Печерин, предлагают «повторить на себе все воспитание человеческого рода» путем интеллектуальной революции и придания отечественной культуре «истинно христианского импульса», отказавшись от православия и приняв католическую веру. Кавелин отмечает, что преемственность осуществляют традиционные институты социализации (семья, школа, церковь). Согласно потребностям времени, они должны воспитывать и исправлять человека, развивать индивидуальное личностное начало. Для этого нужно обновление по западному образцу. Белинский отмечает необходимость просвещения широких народных масс. Опорой в этом процессе могут стать разночинцы, образованные люди из простого народа, сочетающие западные нормы, правила и ценности и прочно усвоенные национальные традиции. Герцен утверждает, что развитию общества, снятию социальной напряжённости способствует совершенная система образования, не просто передающая знания, но и воспитывающая молодежь. Мыслитель делает акцент на воспитании гуманной, свободной личности, живущей интересами своего народа, стремящейся к преобразованию общества. Герцен предлагает молодежи идти в народ – хранитель национальной традиции, передавать ему знания, учиться у него труду, бескорыстию, патриотизму. Чернышевский, как и его предшественники, основным способом преемственности традиции считает воспитание молодого поколения. Критикуя современную ему систему образования за низкий уровень науки и устаревшие методы, он отмечает необходимость ее реформирования.

К началу 60-х гг. XIX в. наблюдались существенные изменения в социальной структуре русского общества. Историки пореформенной России продолжили диалог славянофилов и западников на новом уровне – в попытке примирения крайностей.

Позитивистски настроенный К.Д. Кавелин предлагает рассматривать процесс культурного заимствования сквозь призму законов эволюции: организм, осваивающий новые для него формы жизни, обновляется, не теряя своей сути. Так и Россия оказалась способной видоизменять заимствованные формы и приспособлять их к своим разумным потребностям. Не Европа к нам пришла, а мы «оевропеились», оставаясь по-прежнему русскими, – звучат рефреном слова Кавелина. На примере истории взаимоотношений России и Европы он демонстрирует свою позицию по вопросу об исторической традиции культурного взаимовлияния: культуры, друг другом «обновленные», способны «сами творить свои формы, не стесняясь предыдущих» [8, с. 66]. Такая пози-

ция исключает идею механического заимствования. В ней обосновывается, что влияние сильной культуры (в экономическом, техническом и других отношениях) лишь ускоряет внутреннее развитие «принимающей» стороны. Для России историческая необходимость в культурном взаимодействии обозначилась задолго до петровских времен, реформы лишь стимулировали вызревание условий для активной жизни и деятельности человека. Процесс культурного обновления России Кавелин напрямую связывает с ростом национального самосознания. Этот процесс, на его взгляд, растянулся на целое столетие: от первых шагов «пробуждения» в петровскую эпоху до воплощения в самостоятельные формы мирозерцания, отраженные во взглядах славянофилов и западников.

Представитель либерального направления русской мысли Б.Н. Чичерин убежден, что преобразовательные процессы в обществе предполагают отказ от тормозящих развитие «старых, вытекающих из жизни понятий и привычек», что новый строй всегда требует новых взглядов, приемов, норм и правил, которые нужно выработать из слагающихся на практике отношений. Мыслитель с сожалением замечает, что российское общество чрезвычайно консервативно и не поддерживает перемены. Либерально настроенный, Чичерин категорически выступает против революционных преобразований, ратует за эволюционные изменения. Задача власти – привлечь к реформам лучшие общественные силы. Мыслящие образованные люди способны определить «назревшие задачи русской жизни» и в процессе реформирования «исправить искажения». Все реформы в России проводились сверху, «просвещенным меньшинством», необразованная инертная масса их тормозила, активно сопротивляясь или равнодушно взирая на попытки власти. В результате необходимые России прогрессивные реформы не были доведены до конца, превратились в полумеры. Чичерин заключает, что Петровские реформы только частично достигли успеха, приобретались новые знания и технологии, но «обстоятельства жизни оставались прежними». Их реализации мешали противоречия между благородными стремлениями юного монарха и состоянием страны. В результате общественная жизнь по-прежнему оставалась на низком нравственном уровне, по-прежнему отсутствовали личные и гражданские права и свободы. Однако «брошенные им семена не погибли», в новом поколении они нашли «восприимчивую почву», их воздействие усилили впечатления от войны 1812 г. [14, с. 16].

В реалиях российской действительности сложилось так, что либеральные стратегии с курсом на обновление национальных традиций путем реформ уступили место радикальным. Почвой для появления нигилизма стало складывание новой интеллигенции. Целое поколение вступило в жизнь с чувством носителей новых устоев жизни, новой нравственности, новой культуры. В.В. Зеньковский впоследствии опишет характерные черты «новых» людей: резкая оппозиция предыдущему поколению с его «романтизмом» и культом искусства, с любовью к отвлеченному мышлению; преклонение перед «точными» науками; вера в творческие силы личности; вера в «разумный эгоизм» [7, с. 313]. В итоге призыв радикалов-шестидесятников к свержению старого порядка путем безжалостной крестьянской революции в конце XIX столетия будет подхвачен русскими марксистами на платформе пролетарской революции и воплотится в революции 1917 г. Тем самым, ответ на вопрос о том, как возможно сохранять и одновременно обновлять традиции, останется до конца не реализованным и открытым.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Взгляд на русскую литературу с Петра Первого // Аксаков К.С. Статьи и речи. М.: РГБ, 2012. С. 143–165.
2. Аксаков К.С. О современном человеке // Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. С. 220–258.
3. Аксаков К.С. Отчего так нелегко живется в России? М.: РОССПЭН, 2002. 234 с.
4. Белинский В.Г. Литературные мечтания // Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. М.: Политическая литература, 1941. 591 с.
5. Герцен А.Н. С того берега // Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1985. Т. 2. С. 3–118.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
7. Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с.
8. Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней Руси // Кавелин К.Д. Собр. соч.: в 4 т СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. Т.1. С. 5–68.
9. Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Вып. 2-й. 1888-1891 // Соловьев В.С. Собр. соч.: в 10 т. СПб.: Книгоизд. Тов-во «Просвещение», 1911–1914. Т. 5. С. 157–405.
10. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. М.: Современник, 1988. 461 с.
11. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 512-557.
12. Чаадаев П.Я. Философические письма. Казань: Типография Д. М. Грань, 1906. 75 с.
13. Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1987. Т. 2. 687 с.
14. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин: Издание Гуго Швейница, 1901. 160 с.

DISPUTE OF SLAVANOPHILES AND WESTERNERS ON THE TRADITIONS CONTINUITY AND ITS RECEPTION IN THE POST-REFORM RUSSIA

E.O. Kovaleva, E.S. Kosarskaya

Tver State Technical University, Tver

In the context of the polemics of the Slavophiles and Westernizers, it is revealed why in the Russian philosophy of the first half of the nineteenth century the problem of the continuity of socio-cultural traditions comes to the forefront of philosophical discussions. The article is focused on the response given to two questions given by the parties engaged in the dispute of classical Slavophiles (A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov), and their late

followers (N.Y. Danilevsky, K.N. Leontyev), V.S. Soloviev, as well as religious Westernizers (P.Ya. Chaadaev, V.S. Pecherin), liberal Westernizers (B.N. Chicherin, T.N. Granovsky), Westernizers-socialists (A.I. Herzen, V.G. Belinsky, N.G. Chernyshevsky), positivists (K.D. Kavelin, V.O. Kluchevsky). The first question put on the agenda by this debate: what is the degree of influence of Western culture on Russian life? The second one arising in this context: how is it possible to preserve and simultaneously update the traditions?

Keywords: *culture, philosophy, socio-cultural traditions, continuity of traditions, the conflict of generations.*

Об авторах:

КОВАЛЕВА Елена Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: kovaleva-15@mail.ru.

КОСАРСКАЯ Елена Сергеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь. E-mail: lennusa@yandex.ru.

Authors information:

KOVALEVA Elena Olegovna – senior lecturer of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: kovaleva-15@mail.ru.

KOSARSKAYA Elena Sergeevna – PhD, Associate Professor of the Department of Sociology and Social Technologies, Tver State Technical University, Tver. E-mail: lennusa@yandex.ru.